

О.В. Голубкова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Представления о «нечистой» смерти в локальной традиции украинских и белорусских переселенцев на юге Западной Сибири

Структура и символика народных верований во многом обусловлены языческими представлениями о смерти как переходе в иной мир и посмертном существовании в иных воплощениях. Важнейшими элементами традиционного (мифологического) мировосприятия являются вера в возможность взаимодействия живых и мертвых, способность умерших влиять на жизнь и здоровье людей, погоду, хозяйственное благополучие. Такое воздействие могло быть как позитивным, так и негативным, оно зависело от статуса мертвеца, который определялся характером смерти. Представления о «правильной» и «нечистой», «не-своей» смерти лежат в основе мифологизации умерших, с которыми связано происхождение большинства демонических образов в славянской традиции. Полевые исследования выявили большую жизнеспособность мифологических воззрений у потомков переселенцев из Полесья (прибывших в начале XX в. из Киевской, Черниговской, Могилевской губ.), компактно проживающих в ряде сел Новосибирской обл. У них хорошо сохранились представления о «чистой» и «нечистой» смерти, существовала классификация «нечистой» смерти по степени негативного статуса – в зависимости от причин, а в некоторых случаях – времени и места кончины. Умершие прежде срока своей естественной смерти становились «нечистыми» покойниками. Наиболее опасными, «ходячими» мертвецами считались покойные колдуны, ведьмы и самоубийцы, а также скончавшиеся от алкоголизма и утонувшие в результате несчастного случая. «Навещать» своих близких могли умершие, по которым долго горевали: неуспокоенная душа могла утянуть тоскующего человека на тот свет. В некоторых местах на протяжении XX в. практиковали обряд «успокоения» заложных покойников, вбивая в могилу осиновый кол. В статье опубликованы полевые записи – яркие эмоциональные истории информантов, претендующие на достоверность.

Ключевые слова: мифология, «заложные покойники», «нечистая» смерть, ведьмы, сибирские украинцы, сибирские белорусы.

Olga V. Golubkova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Concept of “Unclean” Death in the Local Tradition of the Ukrainian and Belorussian Migrants in the South of Western Siberia

The structure and symbolism of popular beliefs are largely defined by the pagan beliefs of death as a transition to the other world and afterlife in different incarnations. Traditional (mythological) worldview involves a belief in interaction between the living and the dead, the ability of the dead to influence life and health of the living, weather, and economic well-being. That influence could be both positive and negative, depending on the status of the dead resulting from the cause of death. Mythologization of the dead is based on the concept of “rightful” and “wrongful” death. The “unclean” type of death triggered the emergence of the majority of demonic characters in Slavic mythological tradition. Ethnographic research has revealed great vitality of mythological views among the descendants of settlers from the Polesie region, who arrived to Siberia from the Kiev, Chernigov, and Mogilev Guberniyas of the Russian Empire in the early 20th century. These ethnic and local groups of Ukrainians and Belorussians live compactly in some villages in the south of Western Siberia, and have a well-preserved

concept of “clean” and “unclean” death. “Unclean” death had varying degrees of negative status depending on its cause, time, and place. Those who died before the time of their natural term of life would become the “unclean” deceased. The most dangerous, “walking dead,” were the deceased sorcerers, witches, as well as persons who committed suicide, drowned (by accident or from suicide), or died of alcoholism. It was believed that they could leave their graves and frighten people. The dead for whom their relatives grieved greatly and for a long time could also come back to visit their homes. The ritual of “pacifying” the restless dead, when a sharp aspen stick was stuck into the grave, was practiced in some places throughout the 20th century. The article presents field records in the form of vivid stories told by the respondents.

Keywords: mythology, restless dead, “unclean” death, witches, Siberian Ukrainians, Siberian Belorussians.

Мифологизация умерших – один из наиболее продуктивных механизмов создания демонических образов в славянской традиции. В его основе лежит универсальное для славянского сознания представление о «правильной» и «нечистой», «несвоей» смерти [Народная демонология..., 2012, с. 7]. Мировоззренческий и обрядовый комплекс, включающий похороны, представления о загробном мире и посмертном существовании, а также ограничения для различных категорий умерших можно назвать «правилами смерти». Ключевым элементом «правил смерти» является определение условий «хорошей» и «плохой» смерти, «правильных» и «неправильных» мертвецов и погребений. Тем самым задаются «топические представления» о достойной смерти и связанных с ней обстоятельствах для данного сообщества и регламентируются последствия для нарушивших эти предписания [Морозов, Ткачук, 2019, с. 11].

Среди этнографических источников по народным верованиям восточных славян в Сибири особое место занимают материалы, собранные в селах, где компактно проживают потомки переселенцев из Киевской, Черниговской, Могилевской губ. Эти губернии были частью Полесья – обширной территории, охватившей южную часть Белоруссии, северную и северо-западную части Украины, отдельные районы Брянской обл. России. Регион отличается особенным этнокультурным колоритом, поскольку полесская традиция до самого последнего времени прекрасно сохраняла в себе многие архаичные элементы славянской культуры, полностью или частично утраченные в других местах. Археологи, антропологи, этнографы и лингвисты выявили ряд признаков, которые позволили отделить население полесской зоны от белорусских и украинских территорий [Народная демонология..., 2010, с. 9–11]. В селах, где компактно проживали украинские и белорусские переселенцы рубежа XIX–XX вв. в Сибири, также хорошо сохранилась целостная система мировоззренческих традиций и обрядов, которая на протяжении более ста лет передавалась из поколения в поколение.

Цель работы заключалась в выявлении специфики представлений о «нечистой» смерти, «залож-

ных покойниках» (согласно терминологии, предложенной Д.К. Зелениным для обозначения умерших прежде срока своей естественной смерти или покойных колдунов, ведьм [1995, с. 39–41]) и способах борьбы с ними у сибирских украинцев и белорусов. Основным источником исследования стали полевые материалы автора (ПМА*). Ставились задачи провести сравнительный анализ текстов с аналогичными сюжетами исходных регионов, определить степень сохранности народных верований и выяснить причины их актуализации.

Поскольку «структура традиционной обрядности, ее символика, функциональная сущность, предметный состав во многом обусловлены языческими представлениями о вечном мире предков, взаимосвязях его с миром живых на земле, о многостороннем воздействии предков на земную жизнь потомков» [Велецкая, 2003, с. 10], важнейшими элементами мифологического мировосприятия были представления о смерти и посмертном существовании. Смерть считалась исходной точкой, определяющей дальнейшую судьбу умершего. Характер смерти прогнозировал дальнейший статус покойного, показывал, в каком направлении может происходить его взаимодействие с живыми – войдет ли покойный в сонм предков-благодетелей или станет вредоносным мертвецом. «Умершие “своей” смертью почитались как *предки*, “не-своей” – избегались как существа демонической природы, *заложные*» [Седакова, 2004, с. 39].

Из ряда мифологических сюжетов (по ПМА) выделяется группа нарративов о «страшных покойниках» и способах борьбы с ними. Истории отличаются большой эмоциональностью и претензией на достоверность. Для этнографии эти тексты интересны тем, что демонстрируют большую жизнеспособность мифологических воззрений: описываемые события происходили во второй половине XX – начале XXI в. То есть можно говорить о непрерывной традиции сохранения и актуализации народных верований у исследуемых этнолокальных групп.

*Полевые материалы автора (ПМА) – дневники этнографических экспедиций ИАЭТ СО РАН (личный архив) 2000–2019 гг.

У жителей ряда сел Новосибирской обл. – потомков переселенцев начала XX в. из Киевской, Черниговской, Могилевской губ. – сохранились представления о «чистой» и «нечистой» смерти. Также существовала классификация «нечистой» смерти по степени негативного статуса – в зависимости от причин, а в некоторых случаях времени и места кончины. «Хорошей»/«чистой» смертью считался естественный уход из жизни в преклонном возрасте. Умереть во время Великой недели (следующей после Пасхи) многие считали благом и божественной милостью. *На Великой неделе даже самые грешные души попадают в рай* (ПМА: с. Белое, Карасукский р-н, 2019, *полтав.*). Синтез языческих представлений о «хорошей» смерти и благоприятном (с христианской точки зрения) времени кончины в пасхальную неделю для восточных славян универсален, эти верования стали частью народно-православных традиций. Истории о неупокоенных мертвецах никаким образом не вписываются в христианство даже в его народном понимании, далеко от канона. Тем не менее сюжеты сказочной устной прозы о «ходячих» покойниках и близких им персонажах широко известны [Народная демонология..., 2012, с. 15–465], в Западной Сибири они активно воспроизводятся у украинских, белорусских и южнорусских переселенцев. *Вижу около могилы сидит бабка с распущенными волосами. Глаза дупатые, смотрит на меня. Я перекрестилась, бабка мне погрозила пальцем и исчезла...* (ПМА: д. Петропавловка, Маслянинский р-н, 2016, *чернигов.*).

«Плохой»/«нечистой» смертью считалась преждевременная кончина, а ее причины могли определить уровень негативного статуса покойного. К категории «самых страшных мертвецов» относили умерших ведьм и колдунов, полагая, что после смерти они обретают большую силу и становятся более опасными, чем были при жизни. Объясняли также, что телами колдунов и ведьм после их смерти завладевает нечистая сила, она поднимает их из могил. *После смерти ведьма еще страшней становится, из могилы встает, по воздуху летает* (ПМА: с. Морозовка, Карасукский р-н, 2019, *киев.*). *Колдовец як помер, начал вставать из могилы. Ходил тут к одной жинке, она зачахла и померла* (ПМА: там же, *киев.*). *Жили в Покровке бабка с дедом, говорили, будто они с нечистой силой дела имели. У них дом на отшибе стоял. Как они померли, оба в один год, друг за другом, стало в деревне что-то чудиться. Будто видели, как ночью с кладбища два огненных шара к их дому прилетали и в окнах свет горел. А после этого в деревне что-то нехорошее случалось. Один человек покалечился, у других корова сдохла, стало много несчастных*

случаев. Потом этот дом сожгли и сразу всё прекратилось (ПМА: с. Прямское, Маслянинский р-н, 2018, *могилев.*).

Не менее страшными покойниками, чем колдуны, становились самоубийцы. Повсеместно сохранились представления о самоубийстве как самой «нечистой» смерти. «Архаическая мотивировка самоубийства как “неизбытого века” вытеснилась или подкреплена новым христианским представлением о тягчайшем грехе самоубийства» [Седакова, 2004, с. 47]. Следующими по степени опасности считались утопленники и умершие от алкоголизма. *Удавленники – самая нечистая смерть. Кто на себя руки наложил или от пьянства скончался, не могут сразу успокоиться, будут после смерти ходить* (ПМА: с. Борково, Маслянинский р-н, 2016, *чернигов.*). Смерть в воде, даже если не была суицидом, наделялась более высоким негативным статусом, чем кончина от других несчастных случаев. Вероятно, потому что вода воспринималась как дорога в нижний мир, а водоемы были «населены» его обитателями. Утонувших людей считали похищенными нечистой силой. Утопленники могли стать блуждающими мертвецами или представителями *нежити* (русалками, болотными духами). Также как колдуны, самоубийцы и «опойцы», утопленники могли влиять на погоду: вызывать проливные дожди, град, заморозки или засуху [Зеленин, 1995, с. 108, 110–120]: «причиною холодных ветров служит захоронение в землю утопленника» [Там же, с. 115]. Для избавления от засухи во многих местах поливали могилы «заложных покойников», вызывая дождь [Там же, с. 113–117]. Сибирские украинцы и белорусы причины засухи связывали с утонувшими, они не касались других категорий «нечистых мертвецов». Могилы утопленников поливали водой, чтобы вызвать дождь. По-видимому, представления о влиянии «заложных покойников» на погоду сохранились уже в редуцированном виде и касались только утопленников, семантическая связь с водой и дождем которых наиболее очевидна. *Один год дождей не было, мы ходили на кладбище, там один у нас утонул. Мы могилу утопленника поливали. Утопленника полить, тогда дождь пойдёт. Мы на кладбище были, у нас была полторашка с водой. Мы пришли к могиле, вот эту воду полили, говорим: давай, дождя нам посылай! Назавтра смотрим, и дождь пошел* (ПМА: с. Корнилово, Болотнинский р-н, 2019, *гомель.*). Умершие «до срока» в результате несчастного случая, болезни или убитые также причислялись к числу покойников с негативным статусом, но их считали менее опасными. Чаще всего они пугали, не причиняя

большого вреда. *Как Васю похоронила, первый год каждую ночь слышала, как он приходил. Лягу на кровать и слышу, как внешнюю стену будто кто раздирает железными когтями. Смотрю в окно, никого нет. Это его душа ходит, мается неприкаянная* (ПМА: с. Петропавловка, Маслянинский р-н, 2016, чернигов.).

«Нечистые» мертвецы могли стать «ходячими» покойниками, но это происходило не всегда. Иногда могли «ходить» умершие, по которым сильно горевали. Долго оплакивать покойного считалось опасным, поскольку сильная эмоциональная привязанность удерживала его рядом с домом, не давала душе успокоиться и перейти в иной мир. Неуспокоенная душа, также как и «нечистый» покойник, могла утянуть близких людей на *тот свет*. Считалось также, что ходит не сам покойник, а в его тело вселяется нечистая сила. *У ней муж помер, она по нём сильно убивалася, была замученная и померла. Говорили, это он, муж её каждую ночь к ней приходил* (ПМА: с. Морозовка, Карасукский р-н, 2019, киев.). *Ходил по селу мрэц, его нечистая сила водила* (ПМА: там же, киев.). У киевских переселенцев сохранились представления о том, что «ходячими» мертвецами (русалками) становились умершие на граной неделе (после Троицы), в день «русалки». *Умерла девочка маленькая или подросток в тот день, в русалки. Бабушки сидят на похоронах и говорят – ну теперь она русалкой станет* (ПМА: там же).

Из опасности «заложных покойников» вытекающим обстоятельством была необходимость их изоляции при помощи превентивных ритуально-магических практик и особых способов захоронения [Морозов, Ткачук, 2019, с. 12–13]. В начале XX в. «нечистых» покойников хоронили отдельно, за территорией кладбища, в некоторых местах этот обычай продлился до середины века. *Кто нечисто умер, хоронили за кладбищем, за оградой, там была канавка вырыта, так за этой канавкою* (ПМА: с. Морозовка, Карасукский р-н, 2019, киев.). *Таких, кто утопится, повесится, шепотуньев разных хоронили отдельно. Было старое кладбище, совсем отдельное для таких. Пила молодая женищина и померла от пьянства, её тоже в тот угол похоронили* (ПМА: там же, киев.).

Орудиями борьбы со «страшными покойниками» кроме универсальных (креста, иконы, молитвы, святой воды) был осиновый кол. Кол забивали в могилу, не раскапывая. Рассказы о том, что даже в конце XX в. существовала практика «усмирять» осиновым колом активных мертвецов с высоким негативным статусом, были записаны в ряде сел у переселенцев из областей украинского и белорусского Полесья. *Удавленников нельзя отпевать. А его отпели. Но не помогло, он как ходил, так*

и ходит. Пришлось вбивать в могилу осиновый кол, чтобы успокоить (ПМА: с. Борково, Маслянинский р-н, 2016, чернигов.). *Мимо кладбища страшно идти, можно мертвеца встретить, кто умер от нечистой смерти – самоубийца или пьяница. Такие мертвецы вылазят и пугают, пока им кол в могилу не воткнут* (ПМА: там же, чернигов.). *Раньше здесь ведьма жила, люто колдовала. Её мать из Белоруссии приехала. Говорили, что там всё на шепотках делается. Эта ведьма людей и скотину портила. Она долго умирала, мучилась. Её дочь сама рассказывала, когда мать умирала, у неё из рта выскочила чёрная жаба и в окно упрыгала. Ей в могилу забili осиновый кол (в 1979 г.). Это с согласия её детей сделали* (ПМА: с. Верх-Коён, Искитимский р-н, 2000, гомель.).

Яркая история о «нечистом покойнике» была записана со слов участницы событий (1952 г.р.), которая в 1993 г. организовала в своем селе проведение обряда «успокоения» покойного мужа, скончавшегося от алкоголизма. Этот эмоциональный рассказ, наполненный живописными подробностями мистических переживаний, заслуживает публикации большого фрагмента интервью.

Когда я похоронила своего третьего мужа <...> он стал ко мне по ночам ходить. Придет и встанет возле косяка в спальне. Умер он в трико с голым торсом. В таком виде и приходил. Лезет ко мне, щекочет, пристаёт. Я маме рассказала, мама пришла, перекрестила мне все окна и двери с молитвой. Она людей лечила, знала все молитвы и заговоры. Вот легла я спать, ровно в 12 часов просыпаюсь и вижу, что он в окно смотрит и пальцем мне грозит. Ходит вокруг дома, во все окна заглядывает. Не смог он пройти ни в дверь, ни в окно, влез в трубу. Трубу мама не закрестила. Залез и встал опять у косяка, руки на груди скрестил, на меня смотрит. Простоял так до 4 часов утра, не давал мне спать. Что делать? Надоело мне каждую ночь мучиться, нужно его успокоить. Умер он нечистой смертью, запислся. Самоубийцы и те, кто от пьянства умирает, не могут на том свете успокоиться, выходят из могил и живых изводят. Собрала я по деревне восемь человек, чтобы поехали на кладбище забивать кол. Только стали мы засекал кол, на всех нас обрушился ком снега. Молитву прочитали, засекли кол как надо, вершиной вниз. Поехали на кладбище, а конь не идёт. Встаёт на задние ноги и бьет передними, разворачивается. А конь хороший, смирный был. Когда собирались, я перекрестила всех людей и святой водой sprysнула, а коня не догадалась. Конь никак не идёт. Тогда взяли кол и дальше пешком пошли. Стали вбивать кол в могилу, он не вбивается, щепится. Стали вбивать с молитвой при

каждом ударе, тогда кол легко вошёл. После этого покойник перестал ходить. Но когда мы с кладбища ехали, на обратном пути конь бесился. Врезался в баню, сибиб себе плечо. Как будто взбесился, не подпускал хозяина. Стали мы освящать коня святой водой с молитвой. Произносим: «Во имя отца и сына и святого духа» – это печать, которая открывает любые двери и творит чудеса. Только эти слова произнесли, поднялась тысяча черных ворон, закрыли всё небо над нами (ПМА: с. Борково, Маслянинский р-н, 2016, чернигов.).

Еще одна содержательная история записана со слов близкой знакомой героини рассказа. В Бураново жила ведьма, у неё был сын. Тот сын женился, а невестка сильно не понравилась свекрови, невзлюбила её лютой ненавистью. Невестку звали Анна, я её хорошо знала. Свекровь ей делала всякие гадости, а сын этой ведьмы тоже кое-что знал. Не давал матери свою жену изводить, заступался. Вот однажды сына дома не было, принесла свекровь невестке пельменей угостить. Анна немножко поела и стало ей плохо, прямо умирает. Вернулся домой муж, посмотрел на пельмени и говорит: ну всё понятно. И пошёл к матери. Прибежала свекровь и давай у Ани прощения просить, на коленях вымаливала. Сказала, что она в этих пельменях ей что-то на смерть сделала, наговорила на них. А сын ей что-то передал по-своему, что против неё всё обернулось, против того, кто делал порчу. Поправились Анна, стали думать, как дальше жить. Со свекровью житья не будет, решили переехать и уехали они в Борково. Там пожили сколько-то лет, а потом у них жизнь не заладилась. Ругаться стали, он стал её ревновать, прохода не давал, везде следил, ко всему придирался. Она говорит мужу: давай разведёмся. А он – нет. Я, говорит, задавлюсь, а тебе от меня покоя не будет. Буду с того света приходить, тогда тебе мало не покажется. И задавился, повесился в сарае. Похоронили, а он с первой же ночи стал ходить к жене, пугать её. Она спать ложится, а он стоит около постели, на неё смотрит. Даже за волосы хватал, с кровати стаскивал. Каждую ночь приходит, кровать трясёт. Ничто не помогало, ни молитва, ни святая вода. Дом с иконами освящали, не помогло. Кто-то сказал обратиться к деду, который жил в Малой Томке. Приехала она к нему, рассказала всё. А дед ей говорит: смогу помочь только весной, когда снег растает. А сейчас пока буду у тебя жить, чтобы он тебя до весны на тот свет не уволок. Стал дед у Анны ночевать, а муж её, покойник, совсем озверел. Приходит, рычит, глаза горят страшным огнём. Каждую ночь приходил, покоя не давал. А дед-колдун что-то делал, нашиптывал, что покойник вокруг дома ходит,

в окна заглядывает, а в дом попасть не может. Подойдёт к дому и об угол трётся, дом качает. Дом весь трясётся, ходуном ходит. Свирепеет, но не может достать Аню с дедом. Как только снег растаял, дед пошёл на кладбище, могилу раскопал. Ему надо было дожидаться, чтобы была не мёрзлая земля. Вбил он в гроб осиновый кол, в грудь покойника. И всё прекратилось. А перед тем как вбить кол, ночью Анна видела дома женщину. Вся в чёрном одетая, с длинной косой. Пришла, встала перед ней и говорит: ну всё, закончились твои мучения, больше он тебя не будет тревожить (ПМА: с. Мамоново, Маслянинский р-н, 2018).

Анализ полевых материалов показал, что на юге Западной Сибири представления о «нечистой» смерти и «ходячих» покойниках наиболее полно сохранились у переселенцев из областей украинского и белорусского Полесья. В некоторых местах на протяжении XX в. продолжали практику «упокоения» *заложенных покойников*, вбивая в могилу осиновый кол. Во второй половине XX в. это были уже единичные случаи. Боязнь опасного покойника, способного «утянуть» за собой на *тот свет*, наряду с базовым страхом смерти, актуализировала обряды борьбы с «нечистыми» мертвецами в обществе, поддерживающем традиционные стереотипы, характерные для определенной этнокультурной среды. Опираясь на мировоззренческий комплекс, наполненный знакомыми символами, персонажами и ритуалами, людям было легче адаптироваться на новой территории, формируя привычную традиционно-культурную среду.

Список литературы

- Велецкая Н.Н.** Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М.: София, 2003. – 240 с.
- Зеленин Д.К.** Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. – М.: Индрик, 1995. – 432 с.
- Морозов И.А., Ткачук Л.А.** «Правила смерти»: концепты «неправильный мертвец» и «неправильное погребение» в инструментарии социальных и политических технологий // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 1. – С. 11–26.
- Народная демонология** Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. – М.: Языки славянских культур, 2010. – Т. I: Люди со сверхъестественными свойствами / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. – 648 с. – (Studia philologica).
- Народная демонология** Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – Т. II: Демонологизация умерших людей / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. – 800 с. – (Studia philologica).

Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. – М.: Индрик, 2004. – 320 с.

References

Morozov I.A., Tkachuk L.A. “The Rules of Death”: Concepts of “Improper Dead Man” and “Improper Burial” in the Toolkit of Social and Political Technologies. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, No. 1, pp. 11–26. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086954150004177-4

Sedakova O.A. Poetika obryada. Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan. Moscow: Indrik, 2004. 320 p. (In Russ.).

Veletskaya N.N. Yazycheskaya simvolika slavyanskikh arkhaischeskikh ritualov. Moscow: Sofiya, 2003. 240 p. (In Russ.).

Vinogradova L.N., Levkievskaya E.E. (eds.). Narodnaya demonologiya Poles'ia. Publikatsii tekstov v zapisiakh 80–90-kh gg. XX veka. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur, 2010. Vol. 1: Liudi so sverkh'estestvennymi svoistvami. 648 p. (In Russ.).

Vinogradova L.N., Levkievskaya E.E. (eds.). Narodnaia demonologiya Poles'ia. Publikatsii tekstov v zapisiakh 80–90-kh gg. XX veka. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2012. Vol. II: Demonologizatsiya umershikh lyudei. 800 p. (In Russ.).

Zelenin D.K. Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoi smert'yu i rusalki. Moscow: Indrik, 1995. 432 p. (In Russ.).

Голубкова О.В. <https://orcid.org/0000-0002-9936-8555>